

Вера Чиркова

ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. БОННА
ПРОКЛЯТЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ. МАГИНЯ

ЗАЛОЖНИЦА. СДЕЛКА
ЗАЛОЖНИЦА. ИСПЫТАНИЕ
ЗАЛОЖНИЦА. ЗАПАДНЯ

СТАРЫЙ ЗАМОК. БЕГЛЯНКА
СТАРЫЙ ЗАМОК. ПРИМАНКА

РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. БЕСПРИДАННИЦЫ
РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. КАДЕТКИ
РАЗБОЙНИК С БОЛЬШОЙ ДОРОГИ. СОРАТНИЦЫ

ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ЛЮБВИ

Цикл «Серпантин»

ВИРАЖИ ЧУЖОГО МИРА
БЕГУЩИЕ ПО МИРАМ
ИНТРИГИ ТЕМНОГО МИРА
ТАЙНЫ ЗАКРЫТОГО МИРА

Цикл «Маглов»

МАГ ДЛЯ БАСТАРДА
ВОЖАК ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ
ПОДРУГА ДЛЯ МАГА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Вера Чиркова

Доказательство любви

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Роман

Москва, 2018
САРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ч-64

Серия основана в 2011 году
Выпуск 344

Художник
О. Бабкин

Чиркова В. А.

Ч-64 Доказательство любви: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2610-2

Как замечательно быть юной, хорошенькой, златовласой и синеглазой принцессой! Объяснения в любви и предложения руки, сердца и обручального браслета так и сыплются со всех сторон, даже голова кругом идет. Вот только одно очень важное обстоятельство не дает сполна насладиться серенадами, букетами и признаниями — необходимость выбора. И не внешности или мужественной фигуры воздыхателя, не титула, дворца или сокровищницы. Принцесса мечтает отыскать того, кто полюбит ее по-настоящему, не за звание, не за приданое и даже не за миленькое личико. А это весьма и весьма непростая задача.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Чиркова В. А., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

ISBN 978-5-9922-2610-2

— Радость моя... — Едва слышный нежный шепот запутался в золотых девичьих локонах.

— Ничего подобного, я своя собственная, — так же тихо, но свирепо прошипело в ответ.

— К этому и веду, — поглядывая на стайку гуляющих поблизости от веранды прелестнейших созданий, вздохнул кареглазый брюнет и с досадой поинтересовался: — Долго ты еще думать намерена? Ведь мы знакомы уже почти два года! Хочешь, чтобы я ласково называл тебя тугодумкой?!

— Неправильное определение. Не тугодумкой, а благоразумной и серьезной девушкой. — Синие глаза застыли зимним льдом.

— Это отличные качества, не спорю... но мы говорим о чувствах.

— А в этом вопросе девушки должны быть рассудительнее вдесятеро, иначе им прямая дорога в монастырь Святой матери или еще куда похуже.

— Но я же не собираюсь тебя соблазнять! — не забывая держать защиту от подслушивания, оскорбился затянутый в строгий черный костюм молодой мужчина. — Я жениться намерен! И готов просить твоей руки у твоего батюшки!

— М-да?! Не соблазняешь? Тогда чем занята твоя левая рука на моей правой коленке?! — ядовито прошипело в ответ.

— Значит, ты все-таки заметила! А я уж начал думать, будто глажу статую!

— Зря ты так думал. Статуя за подобную наглость не стала бы поливать твой любимый шар чесночным соусом.

— Темная сила, да что же ты творишь, милая! Ну разве с ним так можно?! Он ведь мне теперь целых три дня будет по-

казывать только чесночные грядки охотников за оборотнями! — Брюнет рванулся спасать шар и тотчас же замер, услышав характерный треск. — Ой! Темная сила... как ты умудрилась оторвать мне рукав?! Нет, я хотел спросить, а зачем ты вообще меня за него дергала?! Нужно было просто позвать...

— Вот еще, нужно мне было тебя дергать! И тем более звать! Просто чесночный соус кончился, и я пришла твой камзол к дивану.

— Да ты просто хулиганка! — возмущенно расширились карие глаза.

— Зато ты — лгун и развратник! А на что ты, собственно, надеялся, когда хватал меня за коленку?! Мечтал, чтобы я при всех сестрах и фрейлинах начала отвешивать тебе пощечины?! Не дожدهшься! Я принцесса! — Синие очи сузились от гнева.

— Можно подумать, я этого не знаю! Но иногда думаю, что об этом забывает кто-то другой! В общем, так! Завтра я иду к твоему отцу и прошу твоей руки!

— В общем, так! Если ты немедленно не откажешься от этого намерения, я пошлю всем придворным дамам и фрейлинам матушки любовные записки от твоего имени. И тогда мой папа не отдаст тебе меня даже за все сокровища мира.

— Посмотрим, — угрожающе рыкнул мужчина, стремглав покидая веранду, на которой принцессы пили утреннее какао.

— Увидим, — задумчиво прошептал в ответ нежный голосок.

* * *

Банда молча сидела у костра и бдительно-выжидающе следила за действиями своей предводительницы. Далеко не первый час уже следила, но выказывать недовольство никто не порывался.

А та, высыпав на одеяло кучу трофеев, прилежно раскладывала их на тринадцать частей, стараясь, чтобы ни одна кучка не была более привлекательной, чем другие. Иногда бандерше это удавалось, но не сегодня. Две вещи были на-

столько лучше всего остального, что ясно было заранее — без драки не обойдется.

Причем, что обидно, драться будут вовсе не за те драгоценности, которые лежат на своих местах в сиротливом одиночестве, а за остальные одиннадцать кучек. Потому как ни продать, ни обменять на что-нибудь полезное эти баснословно дорогие раритеты не удастся даже у самого захудалого трактирщика.

Атаманша тяжело вздохнула и поменяла в меньших кучках местами два усыпанных камнями браслета, проклиная завещанный ей еще матушкой незыблемый старинный закон банды, по которому вся добыча делилась поровну немедленно после налета.

— Ты неправильно делишь, — безапелляционно и доброжелательно заявил мужской голос, и вся банда как по команде схватилась за рукояти ножей и кинжалов.

Потом так же синхронно двенадцать с половиной пар глаз повернулись в ту сторону, откуда донесся голос наглеца, посмевавшего отвлекать атаманшу в самый важный момент ее жизни, и тринадцать рук расслабленно соскользнули с оружия.

Кого-кого, а откровенных дур, готовых напасть на этого гостя, среди них никогда не было.

— Почему? — уныло произнесла бандерша, заранее зная, что ответ этого критика ей не понравится.

— Потому что вон те две вещицы ты положишь сейчас на тряпицу, аккуратно завернешь и спрячешь в мешок. Это будет четырнадцатая доля.

— Чья? — начиная понимать, что зря задавала этот вопрос, неуступчиво рыкнула атаманша.

Но гроза она всех окрестных дорог или не гроза, в конце-то концов?

— Да чья угодно, — ехидно сообщил незванный гость. — Кто первый пожелает, тот и заберет. Ну а если никто не пожелает, так и быть, возьму я, не пропадать же добру.

— Кто желает эту кучку? — сложив раритеты в мешок, с надеждой осмотрела соратниц атаманша. — Ну, налетай!

Налетать никто не спешил. Все состроили такие кислые рожи, словно им овечьего гороха мешок предлагали, а не ра-

ритеты стоимостью в город. Или даже поболее... чего уж мелочиться.

— Себе возьми, — посоветовала самая смелая и нервно поправила ножны.

— Тебе больше всех подобает, — поддакнула самая льстивая.

— И хранить тебе есть где, — заметила самая практичная и одновременно завистливая.

— Мне не нужно, — мгновенно озверела атаманша. — Но я одно хочу понять, если эта... — она многозначительно покряхтела, — никому не нужна, то за каким... вы ее брали?!

— Так красивые же, — мечтательно закатила глазки самая романтическая.

— И весомые, — вздохнула практичная.

— И вообще, — насупилась самая сообразительная, — ты же сама кричала — собираем все!

— В общем, подайте мне мой мешок, — весело ухмыляясь, сказал гость, — и делите свою добычу дальше.

— Но это нечестно! — засомневалась самая справедливая. — Ты ничего не делал, а получишь равную долю!

— Неправильно ты сказала, — голос прищельца сразу стал холоднее воды из горной речки, — я сделал очень важную работу. Как бы не важнее, чем кто-то из вас!

— Какую?! — Двенадцать с половиной пар глаз уставились на гостя с горячей любознательностью.

— А самим догадаться слабо? — крепко привязывая мешок к поясу, едко осведомился гость.

— Ага, — помолчав, шмыгнула носом самая честная.

— Я уберег вас от неизбежной драки, и сегодня вы сядете обмывать удачную вылазку целыми, здоровыми, красивыми, а также празднично одетыми и причесанными.

— А почему красивыми и причесанными? — не поняла самая несообразительная.

— Потому что рота элитных егерей уже окружила ваше ущелье и перекрыла все выходы. И если неумытых и нечесанных вас будут просто связывать и пороть, то нарядным и красивым вполне может достаться немного ласки, — равнодушно фыркнул гость и повернул камень в амулете переноса.

— Что там написано?

— «Меняю королевскую корону и королевский фамильный амулет на принцессу», — побелев как снег, сдавленно пролепетал главный советник, страдальчески разглядывая скромный листок простой бумаги, который держал перед своим носом.

— Но это... — ахнула королева и упала в обморок.

Прямо в руки молоденького паж.

— Унеси ее, — поморщился король, — подальше. Не место тут нервным бабам.

Его величество любил вернуть при случае в разговор простонародные словечки. Советники обещали, что народ за это полюбит и его самого, и его реформы.

Паж радостно потащил куда-то королеву, и его величество приступил к выяснению деталей. Он вообще был дотошным в делах человеком.

— Что они говорят?

— Кто, принцессы?

— Нет! Бандитки.

— Ничего не говорят, — скорбно поджал губы советник, надеясь, что не придется уточнять, что вместе с бандой Кривой Ханы не может сказать ни слова и рота элитных егерей.

И еще сутки не сможет самое малое, судя по ядовитому запаху перегара и количеству пустых бочонков из-под коварного гномьего самогона.

— А пытаться пробовали?

— Все лежат без сознания, — сообщил советник истинную правду.

— А принцессы?

— Пакуют сундуки.

— Так вот почему в саду так тихо! — проявил необычайную догадливость его величество. — И кто именно пакует?

— Почти все.

— Почему все-то?!

— Надеются.

— На что? — не понял король.

— Что он расщедрится и возьмет не одну принцессу, а три или хотя бы две.

— А имя принцессы он написал? — осторожно приступил его величество к выяснению самого важного вопроса.

— Да, — сурово кивнул советник.

— Надеюсь... это не наследница Анриетта?

— Нет.

— Уф... — Король вытер шелковым платком лоб и капризно отбросил его в сторону. — Сколько раз говорить, не кладите мне в карманы шелков!

Помолчал и опасливо покосился на листок, читать который самостоятельно отказался категорически.

— Так что, ему нужна Бенлиетта?

— Нет.

— Варолетта?

— Нет.

— Генриетта?! — возмутился его величество. — Но она же просватана!

— Нет, и не Генриетта.

— Уж не хочешь ли ты сказать...

— Не хочу.

— Говори.

— Не могу.

— Я приказываю.

— Он требует Дарелетту.

— Дарочку? Но она же еще маленькая!

— Всего девятнадцатый пошел, — печально поддакнул советник.

— Как бежит время, — задумался король.

— Золотые слова.

— Запишите в летописях.

— Уже записаны. Четыреста двенадцать раз.

— Ну хорошо, не пиши. И она пакует сундук?

— Нет, вот она не пакует.

— Почему? Не хочет?!

— Неизвестно. Ее высочество получила новую книжку и заперлась в башне, чтоб не мешали читать.

— А постучать?

— Сказала, узнает, кто стучал, — прикажет посадить без штанов в крапиву.

— Фу, как невоспитанно, — нахмурился его величество. — Идите и стучите.

— Простите, ваше величество, мне это не по чину.

— Пошлите слуг.

— Никто не пойдет, говорят, крапива у нее возле башни зело злая.

— Так ведь она же не узнает, кто стучал!

— Наоборот. Узнает немедля и сразу прикажет наказать.

— Да откуда? — заинтересовался король.

— Так ведь все следят. Дарелетта тому, кто первый доложит, серебряный дает.

— Я сам пойду. — Король сделал попытку слезть с трона, но советник сделал загадочное лицо:

— Могу предложить лучшее решение.

— Предлагай.

— Просто напишите ему, что согласны. Он тут, внизу, приписал, что этого достаточно, вашему слову он верит.

— Какой благородный человек, — подумав, одобрительно кивнул король. — Подай перо. Где подписывать? Тут? Готово. Кстати, когда будем судить банду?

— А банды больше нет, — развел руками советник. — Распалась.

— Ну а бандитки-то есть?

— И бандиток нет.

— Но ты же сказал, что лежат без сознания!

— Лежат, — подтвердил советник. — Но они больше не бандитки. Капитан элитных егерей подписал приказ о зачислении их в его роту маркитантками. А судить маркитанток нельзя по закону.

— Вот как, — подумав еще немного, глубокомысленно изрек король. — А тебе не кажется, что капитан егерей поторопился?

— Мне трудно судить, — уклончиво сообщил советник, — но могу предположить, что у женщин были очень весомые доводы, чтоб склонить его к такому решению.

Говорить королю о том, что капитан до сих пор спит, придавленный двумя парами этих очень весомых доводов, со-

ветник тоже не собирался. Зачем его лишний раз расстраи-
вать?

— Кушать подано, — прозвенело под сводами зала, и ко-
роль мгновенно сполз с подложенной на трон подушечки,
тотчас забыв про все неурядицы и тревоги.

Личный королевский лекарь утверждал, что еда только
тогда приносит пользу организму, когда от нее не отвлекают
никакие неприятные мысли, и его величество в это свято ве-
рил.

* * *

— Ха-ха-ха! — раздался из-под балдахина залиvistый
смех, и нахальная мышка, намеревавшаяся стащить с подно-
са несколько крошек от пирожного, стремительно юркнула в
норку.

А вот стоявший в самом темном углу комнаты незванный
гость никуда бежать не собирался.

Легонько подул на собственную ладонь, с ехидной на-
смешкой проследил, как уронила на грудь голову златовла-
сая девушка, закутанная в одеяло, и уверенно вышел из тени.

Небрежно бросил на придвинутый к кровати стол глухо
звякнувший потертый мешок и довольно скривил красивые
губы, отметив, как точно попал. Как раз между пустой чаш-
кой со следами шоколада на стенках и подносом с послед-
ним подсохшим пирожным.

И вообще все шло точно так, как и было задумано.

Он решительно шагнул к кровати, забрал выпавшую из
ослабевших рук книжку, не глядя сунул ее в широкий кар-
ман и подхватил заснувшую девушку вместе с одеялом.

А затем привычно крутнул порталный амулет.

И через мгновение стоял посреди другой комнаты, ни в
чем не похожей на прежнюю.

Та спальня располагалась на самом верху высокой баш-
ни, эта — в одноэтажном павильоне.

Там напротив закопченного камина стояла высокая кро-
вать со столбиками и балдахином, тут — низкое, заваленное
подушками ложе. Напротив ложа был не очаг, а ступени в
выложенный белым мрамором бассейн с непрерывно жур-

чащей из серебряного лотка струйкой теплой ароматной воды.

Там было одно узкое зарешеченное окно, здесь — широкая дуга из двенадцати стеклянных дверей, открывающих вид на просторные и низкие мраморные ступени, ведущие прямо в сад.

Одно было похоже — прильнувший к кровати столик, но на этом были красиво расставлены вазы с фруктами и свежими пирожными, графин с лимонадом, серебряный кувшинчик со сливками и чашка с горячим шоколадом.

Похититель твердым шагом прошел к кровати, сгрузил на нее свою пленницу и уселся в стоящее неподалеку кресло.

И лишь после этого легонько дунул на ладонь.

— А-ах, — зевнула девушка, тряхнула головой и зашарила вокруг себя рукой, ища книжку. — Тьма. Да где же...

И только тут до нее начало доходить, где она находится. Как выяснилось, больше не в своей постели и даже не в своей башне. Ровно минуту, подозрительно щурясь, принцесса оглядывала двери, занавеси, люстры, бассейн, стол и прочую мебель, старательно избегая взглядом сидящего в кресле напротив мужчину, потом презрительно скривила губы и фыркнула:

— Магия! Так и любой дурак смог бы.

— Ничуть не магия! — оскорбился маг. — А точный расчет и знание человеческих слабостей. Сначала нужно было пустить в нужном направлении слух, каким образом можно добраться до королевской сокровищницы. Потом немного пошуметь, чтобы бандиты второпях схватили корону и королевский амулет. Потом — уговорить их отдать все это мне. И, наконец, правильно составить письмо, чтоб король без споров отдал тебя за свои раритеты. Так что теперь ты моя ответственность... и я жду обещанный поцелуй.

— Напрасно ждешь, — категорично заявила принцесса, вставая с постели.

На ней была очаровательная пижамка, розовая и кружевная. Лишь атласный подклад, расположенный в самых интересных местах, не позволял рассмотреть точеную фигурку во всех подробностях. Зато давал большой простор воображению.

— Почему? — обиделся он, невольно сглатывая слюнки.

— Потому что я теперь — рабыня! — гордо задрала носик девушка. — А рабыни не целуют своих хозяев по своей воле. Они против них борются и поднимают восстания.

— И среди кого ты будешь поднимать восстание? — усомнился маг. — Если у меня нет больше ни одного раба и ни одного слуги?

— Найду, — уверенно пообещала она. — Главное, найти достойную цель, а желающие бастовать всегда обнаружатся.

— Возможно, — ее новый хозяин хитро ухмыльнулся, — но не забывай — мое имение находится в двух днях пути от столицы вашего королевства, посреди проклятой пустоши.

— А я этого никогда не забывала с тех пор, как ты хвастался, что специально дал такое страшное название самому прекрасному уголку королевства, чтобы никто не портил тебе виды с балкона.

— Согласен, — мрачно процедил маг, — я был самонадеянным болваном, когда поверил твоему обещанию сбежать со мной, если я докажу, что живу не в окружении монстров и чудовищ.

— Не согласна, — скривила губки принцесса, — это называется не болван, а простофиля. Но не имеет к делу никакого отношения. И вообще, я намерена бороться против твоего произвола и насилия.

— Зато теперь я не согласен! — начал сатанеть он. — Какой еще произвол? Ты уверяла, будто папенька не отдаст мне тебя даже за самый драгоценный раритет! И дала слово, если такое произойдет, поцеловать меня первой и беспрекословно выйти замуж!

— Я в нем ошиблась, — кротко заявила Дарелетта. — Его величество оказался слабее, чем я привыкла считать с детства. И теперь у меня траур... по собственным иллюзиям. Кстати, а книжку мою ты захватил? И где в этой беседке дамская комната?!

— Дверь в умывальню сразу за кроватью, возле белого столика, а книжку ты не получишь, пока не исполнишь обещание, — холодно объявил маг, поднимаясь с кресла. — Как захочешь меня видеть, дерни шнурок вон того звонка.

И скорее догадался, чем увидел, как она тут же схватилась за этот шнур.

— Ну, чего тебе? — уставившись на Дарелетту, насмешливо осведомился маг. — Уже готова целовать?

— Готова. Но не целовать, а сообщить, что согласно законам нашего королевства издевательства над детьми и женщинами караются заключением в темницу.

— Ну, этот закон всегда казался мне несправедливым. По нему выходит, что над мужчинами можно издеваться сколько угодно, — разочарованно проворчал хозяин имения. — Но сейчас я хочу объяснений на другой вопрос. Где ты видишь издевательства?

— Тут, — уверенно ткнула принцесса пальцем в себя.

— Обоснуй, — снова опустил в кресло маг.

— Пожалуйста. — Она уселась поудобнее, подтянув колено к груди, и маг снова сглотнул слюнки. Тьма, ну до чего же аппетитная фигурка! — Так что мы имеем? Юную девушку, наивную и беззащитную, прожившую всю свою короткую жизнь в клетке, лицемерно задрапированной роскошью! И вот, едва бедняжка подошла к совершеннолетию, как ее, не видевшую не только ни одной чужой страны, но и всех городов своей и абсолютно не знакомую ни со светлыми, ни с темными сторонами жизни, собственные родители продают в рабство! И кому? Личному придворному магу! Коварством и обманом провернувшему ради своих грязных помыслов хитроумную интригу с привлечением банды Кривой Ханы. Кстати, почему-то не пойманной много ранее этим самым магом, хотя это его прямая обязанность.

— Не отвлекайся, — решительно пресек эти измышления маг. — Мы говорили о несуществующих издевательствах.

— А разве это не издевательство?! — возмущенно вытаращила Дарелетта прелестные синие глаза. — Утащить несчастную девушку из родного дома и привычной обстановки, от любящих родителей и сестер! Да они там, наверное, от горя слезами изошли! Разве это не издевательство — заставлять девушку жестоко страдать при мысли об их скорби? Да еще и добить ее, отобрав последнее утешение, последнюю радость — недочитанную книгу! И ты еще смеешь называть эти издевательства несуществующими?!

— Ладно, я все понял, — безнадежно вздохнул маг, достал из кармана книгу и отлевитировал принцессе в руки. — Пока ты не дочитаешь, разговаривать с тобой серьезно невозможно.

— Вот зачем ты страницу закрыл? — расстроено листала она украшенные картинками листы. — Пока я теперь найду!

— Приду завтра, — сообщил мужчина и, получив в ответ рассеянный кивок, со вздохом крутнул амулет переноса.

После его ухода девушка несколько минут усиленно водила глазами по строчкам, словно знала, что за ней наблюдают через шар. Потом вскочила и вихрем помчалась в расположенную возле белого столика дверцу.

— Как она еще поесть не забывает, — усмехнулся маг, накрыл шар серебряной крышкой и отправился по своим делам.

— Какой он все же негодяй, — взახлеб рыдала принцесса, яростно плеская в лицо воду. — А еще говорил, что любит! Разве это настоящая любовь?! Нет уж, теперь пусть сначала докажет!

* * *

— Ну, милая, посмотрим, как у тебя дела. — Маг открыл шар и залюбовался на раскинувшуюся на кровати фигурку.

Очень заманчиво, нужно признаться, лежащую. Хоть голова и прикрыта уголком одеяла, зато туго обтянутая розовой пижамкой часть девичьего тела, для которой маг никак не мог найти приличного названия, приоткрыта для всеобщего обозрения.

«Тьфу, какие глупости от такого зрелища в голову приходит!» — хмыкнул маг. Откуда тут быть кому-либо, кроме него?!

И, стало быть, доступно это зрелище тоже только ему одному.

Демонская сила, а если это неспроста?!

А вдруг она дочитала ночью свой дурацкий романчик и задумалась о нем, о Тодгере?! И, как всякая прилично воспитанная принцесса, теперь не желает в открытую признаться,

как сильно была вчера не права, и потому дает ему такой красноречивый намек...

При мысли о том, на какие действия девушки могут намекать таким образом, во рту у мага пересохло, а в душе взорвался огненный шар. И не только в душе.

Дрожащими от нетерпения пальцами он выхватил амулет переноса и крутнул камень. Всячески кляня себя за то, что не догадался вернуться в свою долину вечером.

Глядишь, и пришла бы ему в голову здравая мысль провести Дарочку перед сном...

От дальнейших предположений огненный шар в душе мага полыхнул с новой силой, но он уже стоял посреди павильона, привычно осматривая свои владения.

Возле шкафа куча разбросанной одежды, ну что тут поделать — принцесса!

И на столике беспорядок, хотя еды заметно поубавилось, видать, сильно проголодалась малышка! Совсем перестала нормально питаться с этими книжками!

Ну ничего, теперь он сам займется ее распорядком дня, питанием, здоровьем, воспитанием...

Здоровые мысли плавно угасали в голове мага по мере того, как он подходил к ее постели, зато появлялись очень яркие картинки действий, какими он займется в первую очередь...

Рука совершенно самовольно, забыв спросить разрешения у хозяина, потянулась к обтянутой розовым кружевом тугой округлости...

Маг даже глаза прикрыл и дыхание затаил, предвкушая это ни с чем не сравнимое ощущение живого упругого тепла под дерзкой ладонью...

Прикоснулся... подержал ладонь, придавил чуть сильнее...

И невольно задумался. Неужели Дарочке ночью было так холодно, что она решила натянуть под пижамку целый десяток теплых панталончиков, не менее?

Немного подумав, Тодгер тиснул запретное местечко чуть сильнее и, подозрительно нахмурившись, встревоженно распахнул глаза.

Что-то было не так, ну совершенно неправильно!

И тут вдруг до него дошло. Ну конечно! Она уже должна была все почувствовать, вскочить с постели и осыпать его хлесткими пощечинами, оскорбленными взглядами и гневными тирадами!

Да какие там, к тьме, пощечины! Это же не Анриэтта и не Бенлиетта! И даже не Генриетта!

Это Дарочка, а от нее нужно ждать вовсе не оплеух! Она сейчас должна уже ломать об его голову мебель или как минимум пытаться утопить наглого бесстыдника в бассейне!

Но раз она лежит и не убивает и не топит...

Сердце мага вмиг остановилось и упало в желудок, где все огненные шары уже успели обернуться в обжигающе ледяной ком. А в сознании, еще не успевшем постичь всю величину и необратимость постигшего его горя, как ошалевшие куры, заметались какие-то несущественные и ненужные ему мысли.

Тьма! Неужели она смогла решиться на самое страшное? Но почему? Точнее... за что? И откуда она достала яд... Или это был не яд?

Маг резко отдернул от розовой пижамки руку и инстинктивно отер о штаны. Бездыханное тело Дарочки — далеко не то же самое, что живая, смешливая и своенравная принцесса, и, кроме стремительно накатывающего отчаяния, не вызвало никаких чувств. Лишь мелькнула злая досада, что кто-то из коллег мог подсматривать за ним через шар и по-своему понять действия Тога.

Хотя у них королевство очень небольшое и, можно сказать, не слишком богатое, однако придворные маги всех соседних королей считают своим долгом за ним присматривать, так, на всякий случай.

Едва вспомнив про соседние государства, коллег и собственного короля, Тодгер помрачнел как грозовая туча. Как только станет известно, до чего он довел принцессу, позора и язвительных упреков не избежать. И ведь никому потом не докажешь, что вовсе не желал ее обидеть или унижить! Просто устал каждую ночь гоняться во сне за неуловимой, маняще прекрасной и бессердечной мечтой.

Ну вот чего ей не хватало? Любил, берег, все ее тайные мечты воплотил, когда создавал этот неприличный павильон, насквозь просматривающийся со всех сторон!

Минут пять маг тяжело вздыхал и припоминал все, что пришлось ради нее вытерпеть, пока не осознал очень четко, что специально тянет время, лишь бы не поднимать одеяло и не смотреть на то, что осталось от его безответной любви.

Еще минут пять он обвинял себя в неподобающей магу его уровня нерешительности и даже трусости, но тут же оправдывал тем, что такое действие требует особого настроения, недюжинной выдержки и стальной силы воли.

Сто раз тьма! Ну вот почему он так сглупил вчера вечером и не вернулся сюда?

Не выбросил к демонам дурацкую книжку, не напоил упрямую девчонку зельем сжигающей страсти?

Сейчас уже выбирал бы достойные мага браслеты и подглядывал, как она меряет кружевные корсеты под свадебное платье.

Как жаль, что даже маги не могут возвращаться назад, в прошлое!

Осознав, что тянет уже слишком долго, Тодгер горестно вздохнул и осторожно потянул одеяло.

Заранее состроив подходящее случаю скорбное выражение лица и крепко сжав губы, чтоб не опозорить гордое звание темного мага безысходным стоном.

Но опозорил-таки, да не один раз!

Нет, сначала, когда увидел отчетливо проступившие на спине под розовым кружевом пижамной курточки темные пятна, Тод еще держался.

И когда спина показалась ему слишком раздутой и комковатой, тоже терпел, не желая верить своим глазам.

Но когда рассмотрел сквозь проклятое кружево рукавчиков золотые цветочки и алые горошки — вот тогда уже не выдержал.

Он стонал, рычал и скрипел зубами, разрывая эту проклятую пижамку и вытаскивая из нее все тряпки, какие напихала туда зловредная хулиганка в стремлении придать своей одежде форму человеческого тела.

А потом, не переставая грозно извергать самые страшные ругательства, ринулся к дверце, расположенной возле белого столика. Рванул ее на себя, зверем ворвался в сверкающую полированным мрамором и золотом туалетную комнату и застыл в оцепенении, абсолютно никого не обнаружив в отделанном с особым старанием помещении.

В следующий миг по павильону пронесся бешеный ураган. Разгромил кровать, вышвырнул из шкафов тщательно подобранные наряды, перевернул кресла, разбросал остальную мебель...

Разумеется, не своими ручками Тодгер крушил так заботливо устроенное любовное гнездышко, а магией, и громил он не столько мебель, сколько собственные мечты.

В которых они с Дарочкой передвигались от стола к ложу, а от ложа к бассейну, только крепко обнявшись и шепча друг-другу самые невероятные признания.

Покончив с мебелью, смерч выбил одну из дверей и, продолжая бесчинствовать, унесся на улицу. Перевернул пару вазонов с цветами, выдернул с корнями несколько кустов, пока маг наконец не почувствовал себя совершенно успокоившимся и готовым рассуждать хладнокровно.

В мраморной резной беседке, усевшись в удобное кресло, так как темные маги — существа нежные и неудобств не переносят, Тодгер призвал свой шар и карту королевства. А затем приступил к поиску. Разумеется, сад, парк, пруд и собственный замок осмотрел в первую очередь, заглядывая под каждый кустик и за каждую занавеску.

Обшарил все до самого чердака и, расширив круг поиска, отправился дальше, к неприступным высоким стенам, окруженным широкой полосой высокого и непроходимого густого кустарника, усыпанного огромными ядовитыми колючками.

Еще никто и никогда не сумел его преодолеть: ни зверь, ни птица, ни коллеги-маги, ни толпы отчаянных авантюристов из соседних королевств.

«А уж чем только они не вооружались», — едко хихикнул Тодгер, вспоминая зал трофеев в своем замке. И амулеты, и раритетная броня, и зачарованное оружие. Не говоря уж о

зельях, мертвой воде и банальных взрывных смесях, купленных у гномов.

Да ему не один десяток лет пришлось бы трудиться, чтоб на все это заработать. А эти сами пришли, сами принесли и сами оставили в колючих лапах верного стража.

Вспомнив о верном страже, выращенном когда-то магией из веточки падуба и имеющего с деревом один общий корень, маг со злости хлопнул себя по лбу ладонью — ну не дурак ли он!

Вот до чего довела проклятая любовь, совсем с этой принцессой соображать разучился!

Ведь он давно наделил падуб разумом. Разумеется, не таким, как у людей или птиц, а магическим. Колючий друг помнит лишь происходящее возле него и отвечать может только на самые простые и короткие вопросы.

В тот же миг мощный вихрь приподнял кресло и перенес к росшему у калитки маленькому кустику падуба. Единственному, которому разрешено было расти по эту сторону стены. Поморщившись, Годгер решительно сунул руку в колючки, подождал, пока капельки крови впитаются в лаковую поверхность листиков, и залечил ранки.

— Здравствуй, страж.

Огромная почка вздулась на одной из верхних веточек, закачалась и лопнула, превратившись в мутный зеленый глаз с огромным черным зрачком.

— Хозяин.

— Принцесса... — Маг задумался, учил он падуба этому слову или нет? И поправился: — Девушка приходила?

— Да.

— Пропустить просила?

— Да.

— Ты пропустил?

— Да.

— Почему?! — задохнулся от возмущения маг.

— Платок.

— Какой платок?!

— Кровь.

— Платок был в крови?

— Да.

— И чья это была кровь? — подозрительно осведомился Тодгер.

— Твоя.

— Откуда? — недоуменно нахмурился маг и задумался.

А потом вспомнил — было такое. Ранней весной Дарочка сидела вместе с сестрами на залитой солнцем южной веранде и вышивала подушечку. День был такой светлый и ясный, что заниматься зельями и преступниками не хотелось совершенно. Потому-то Тодгер тоже сидел там и усиленно делал вид, что создает для принцесс тень да помогает вдевать магией нитки в иголки. А сам тем временем втихомолку играл локонами своей принцессы, заставляя воздушную струйку то приподнимать их, то касаться нежных щечек, то падать в вырез платья.

И доигрался. Когда подавал девушке иголку, она неожиданно преобильно уколола его руку.

— За что? — лицемерно разобиделся тогда маг, но она насмешливо посмотрела ему в глаза и заявила, что в его возрасте рановато страдать провалами в памяти.

Но тут рассмотрела капельку крови на его руке, расстроилась, разахалась, промокнула своим платочком и позволила поцеловать пальчики в знак примирения.

«Так вот, значит, как!» — оскорбился маг, вспомнив это маленькое недоразумение.

А он-то, дурак, потом целый день был счастлив, создавал им на клумбах необыкновенные цветы, выстраивал в небе облака в различные картины, привел из леса пугливого оленя...

А она просто нашла способ получить немного его крови, ведь про верного стража маг рассказал ей намного раньше. Нет, он знал, что у всех особ королевского рода коварство врожденное, и даже немного радовался. Жене темного мага без этого нельзя. Но так надеялся, что у Дарочки его окажется меньше, чем у остальных.

Значит, ушла... ну что ж, пусть идет.

От того, что проклятые пустоши являются самым красивым местечком королевства, они не перестали быть и самыми дикими. И, следовательно, самыми опасными.

Так пусть немного погуляет, скоро и сама назад прибежит. И вот тогда он ей все припомнит... но, разумеется, все простит, если она перестанет глупо упрячиться.

Воображение живо нарисовало эту желанную картинку: Дарочка входит в калитку, несчастно опустив голову, подходит к неприступно стоящему на крыльце Тодгеру и говорит своим нежным голоском:

— Прости меня, пожалуйста. Я поняла, что не могу без тебя жить...

А тот будущий суровый Тодгер, стоящий на крыльце в своем лучшем костюме и начищенных до блеска сапогах, насмешливо разглядывает грязное личико вредной девчонки. И порванное, перепачканное платье, и спутанные локоны, и многочисленные царапины на руках. Ведь ей пришлось пробираться через глубокий овраг, которым маг намеренно преградил дорогу к своим владениям, чтоб не шатались всякие любители приключений.

И специально населил этот овраг ядовитыми змеями и огромными жабами, кусачими крысами и шакалами.

Демонская кровь! А ведь эта дурочка и в самом деле не задумываясь полезет в тот овраг, который даже сам Тод обходит десятой дорогой!

И, само собой, никогда не сможет его пройти, несмотря на защитный медальон, который он ей лично зачаровал и велел носить не снимая!

Вот и сидит небось сейчас где-то там, под кустиком, вдыхая ядовитые испарения, окруженная стайкой жадных крыс и танцующих смертельный танец кобр!

Маг раздосадованно дернул себя за свисающую с виска почти до груди прядь смоляных волос, щелкнул пальцами, и яростный вихрь подхватил кресло. Оно взвилось выше стены и колючей ограды, пронеслось над живописным склоном, перелетело через прозрачную реку в песчаных берегах...

Ничего этого Тодгер не видел, он глядел не на красоты природы, а в свой шар, осматривая его магическим оком каждый кустик и каждый камушек.

Безуспешно, нужно сказать: кроме стаи оборотней, нескольких русалок да медвежьего семейства, шар не обнаружил никого живого.

— Темная сила! — прорычал он, снова расстроено дернув назойливую прядку.

Кастовал на себя усиленную защиту и направил кресло в сторону оврага, даже не надеясь найти невесту живой. Если оттуда даже авантюристы в зачарованных доспехах еле живыми выползают, да и то не все, чего уж говорить о полуголой девчонке!

Тут маг припомнил, что по ночам возле его оврага любят водить свои брачные хороводы оборотни, и зарычал еще свирепее. И намного отчаяннее.

Если Дарочка случайно встретилась с этими обаятельными ловеласами, можно не сомневаться в ее целостности и здоровье. И спит сейчас принцесса вовсе не под кустиком, а в уютном домике на опушке леса, на ложе, покрытом покрывалом из беличьих шкур.

И, разумеется, не одна.

Тодгер люто заскрипел зубами и прибавил креслу скорости, так что полы его черного плаща захлопали за спиной, как крылья диковинной птицы, а над ними пиратским флагом взлетели смоляные пряди.

Он мчался над глубоким оврагом, поросшим колючками всех сортов и видов, тревожа обитателей этого жуткого места. Впрочем, глупые жабы провожали его беззаботно-пучеглазым взглядом, а змеи вообще не смотрели вверх, им не до таких глупостей.

Зато шакалы, поджав хвосты, лезли в самую чащу густых кустов, догадываясь, что не стоит ждать ничего хорошего от забросившего их сюда существа.

А вот крысы стремглав неслись по склонам вверх, карабкались по отвесным стенам, срываясь, падая и снова устремляясь вперед.

Им было точно известно — просто так, прогуляться или развлечься, маг ходит совсем в другое место, значит, пора спасать серые шкурки. И не важно, что мех бросовый, зато свой, родной.

* * *

Дарелетта постояла у окна, провожая взглядом стремительно улетающего хозяина замка, ехидно хихикнула и отвернулась.

Как она и предполагала, Тодгер даже не подумал искать ее здесь.

Обшарил все до самого укромного уголочка, не заглянув лишь в одно-единственное место — в свою собственную рабочую башню.

Не додумался, что именно туда принцесса первым делом и направится. Память у нее отличная, а маг не раз повторял, что защита его лабораторий настолько надежна, что даже муха не пролетела за последние лет десять. Не говоря уж о ком-то крупнее.

И при этом заверял Дарочку, что вложил в ее медальон защиту от всех известных ему ловушек и заклинаний. И даже проверить предлагал.

Но тогда Дарочка отказалась, сказав, что она не подопытная крыса. И что вообще полагается на его слово. Хотя на самом деле таились в ее душе сомнения, и немалые.

Зато вот теперь она ему совершенно верит.

Действительно, от всех заклинаний Тодгера она защищена, опробовано на деле.

Несмотря на то что откуда-то летели огненные стрелы, а под ногами расплывались жуткие черные кляксы, от Дарочки они отскакивали, как вода от раскаленного утюга, не причиняя никакого вреда.

Ну, разумеется, она не сразу сама сюда сунулась, что за вздор! Уговорила глупенькую колючку, пообещав ей за это сказку. Та ведь совсем как ребенок, такая же наивная и любознательная. Самую простенькую сказку про елочку прослушала четыре раза и даже не все поняла.

После стебля колючки, вооруженного медальоном принцессы, попасть в башню было довольно просто. Значительно труднее оказалось высидеть два часа у окна в ожидании появления ее личного рабовладельца. Скучно и прохладно, хотя снарядилась Дарочка по-походному. Зато зрелище того стоило.

Вид вырывающего кусты и громящего павильон смерча был очень впечатляющ. Ничего более увлекательного она за всю свою жизнь не видела, но магу конечно же никогда в этом не признается.

Ведь если разобраться, точно так же мог вести себя и владелец какой-нибудь ценной птички или зверюшки, если бы она от него сбежала.

Значит, придется продолжить испытания.

Но для начала неплохо бы умыться, переодеться и нормально перекусить, пирожными сыт не будешь...

* * *

В кухне было все.

Сияющие чистотой котлы, котелки и котлищи, сковородки, дуршлаг и половники всех видов, разделочные доски...

И целый ряд поблескивающих отточенными кромками режущих и рубящих кухонных орудий. От крохотного ножичка, непонятно для чего предназначенного, до огромного топора, с какими в книжках ходят только орки.

Еще Дарочка обнаружила шеренги мисок, подносов и тарелок, чашек, кружек, ковшиков, вилок и ложек и множество прочей неопознанной посуды и приспособлений.

Не было только того, что она всегда безошибочно находила на кухне собственного дворца.

Подносов с пирожными и пирожками, корзин с булочками и хлебцами, накрытых салфетками пирогов и кулебяк.

Да тут даже завалящего сухарика не нашлось. Ничего! То есть абсолютно!

Зато нашлась дверца и за ней — кладовая.

Большая такая, размером с два разгромленных магом павильона.

И вот тут было все... кроме того, что пыталась отыскать Дарочка.

Висели на балках разнообразные копченые и вяленые окорока, колбасы, рыбы, птицы и даже лягушки. Всех размеров и цветов, от почти черного до бледно-золотистого.

Лежали на огромных, голубовато-прозрачных ледяных плитах туши всевозможных животных, птиц, рыб и прочих морских обитателей.

Стояли бочки с маслом, медом, сиропами и соленьями-моченьями: грибами, ягодами, фруктами и овощами.

Впрочем, овощей и фруктов и свежих было столько, что возле некоторых ларей и корзин Дарочка застыла в глубокой задумчивости, не узнавая полосатых и пятнистых незнакомцев и подозревая, что маг просто сложил тут результаты своих экспериментов.

Дальше шли лари с крупами, мукой, сухофруктами, огромные банки с вареньями, приправами и пряностями, полки с разнообразными сырами и кувшинами сливок и сметаны, туюски с коровьим маслом и горшки с творогом и животным жиром, связки чеснока и перцев, трав и листьев. И еще бочки с икрой и корзины с яйцами, шкатулки с чем-то непонятным, коротко подписанные торопливым почерком... у принцессы даже голова закружилась от этого изобилия и голода.

А за арочной дверью виднелся винный погреб: огромные бочки с краями, стеллажи с бутылками...

Но нигде не было того, ради чего принцесса бродила между стеллажами и полками и заглядывала в бочки.

Пирогов, пирожных, печенья и вафель. Да даже простых булочек с изюмом и тех не было!

Эх, маг!

А говорил, что любит ее!

Какая же это любовь, если он даже вкусов любимой принцессы не изучил? И прежде чем тащить ее в свое логово, не забил кладовые пирогами-булками, пирожными-морожеными и шоколадом!

Только о себе, эгоист, и заботился, винища да мяска натащил столько, что полку егерей на месяц вполне хватит!

Распаленная обидой, Дарочка двинулась в обратный путь, не забыв, однако, прихватить кружок сыра и копченого рябчика, привлекшего ее золотистым цветом и аппетитным ароматом.

Сиротливо лежащие на первозданно чистом кухонном столе сыр и рябчик выглядели приговоренными на эшафоте, а Дарочка сама себе казалась палачом, когда двинулась на них с одним из внушительных режущих кухонных орудий.

Само собой, умела она пользоваться ножом, что за вздор! И отбивную котлетку аккуратно отрезать, и книжные листы открыть. И даже кусок пирога при случае сама себе отрезала,

когда, дочитав в три часа ночи книжку до описания роскошного пира, обнаруживала, что на стоящем рядом подносе не осталось даже крошек.

И потому решительно вонзила огромный нож в круг сыра, точно помня про нежность сливочных ломтиков.

Нож вошел в глянцево-желтое тело сыра не очень легко, но Дарочку это не смутило, принцессам не подобает отступать перед трудностями. «А сыр даже смешно назвать трудностью», — презрительно сморщив губки, сообщила девушка сама себе и нажала на ручку ножа со всех сил.

Нож неохотно двинулся вглубь, дошел до середины и застопорился.

Дарочка попыталась его вытащить — где там! Неведомая сила держала острое орудие крепче, чем терновый куст — кружевную накидку.

Через некоторое время принцесса устала, рассердилась и решила, что это маг специально зачаровал сыры, чтоб их не могли съесть какие-нибудь аферисты, с коими он время от времени борется.

Взяла новый нож, еще больше, стиснула рукоятку двумя руками и подступила ко второму приговоренному, беззаботно валявшемуся лапами вверх. «А как же ему волноваться, если головы уже нет», — мелькнула у принцессы мысль, сверкнуло ясное лезвие ножа...

В тот же миг промелькнули золотистые лапы рябчика, совершившего головокружительный прыжок со стола под буфет, и сталь со всей силы обрушилась на не предполагавший такого коварства стол.

И хотя дубовая столешница абсолютно не ожидала нападения, сопротивление все же оказала. Не сдалась внезапному удару, и нож, со всей Дарочкиной силы саданувший по ее поверхности, отскочил с таким азартом, что девушка предпочла отпустить его и резво отпрыгнуть в сторону.

Зазвенела по полу каленая сталь, заухал под потолком чей-то язвительный смех.

Дарочка стремительно отпрыгнула еще дальше и лишь после этого обернулась.

На одном из стульев с высокой спинкой, ранее тихо придвинутом к обеденному столу, сидел мужчина средних лет с

очень импозантной внешностью. Чуть волнистые волосы цвета переспелой вишни львиной гривой поднимались над лбом, в ухе поблескивала замысловатая серьга, из-под насмешливо изломанных густых бровей смотрели пронизательные зеленые глаза, а жгуче-черная мантия была расшита серебряными рунами и звездами.

— Почему ты смеешься?

— А разве не смешно? Ты не сумела себе отрезать ни сыра, ни мяса! Да я абсолютно уверен, ты даже простой каши сварить не в состоянии, не говоря о том, чтобы испечь себе булочку.

— А ты умеешь делать все на свете? — невинно поинтересовалась Дарочка и чинно уселась за стол напротив незнакомца.

О том, что убежать от него бесполезно, девушка догадалась сразу.

— Не все, но очень многое, — ехидно прищурился он.

— А сколько тебе лет?

— Магам такие вопросы не задают.

— Ладно, — кротко опустила глазки принцесса, — задам другой. Ты и в восемнадцать лет умел столько же, сколько и сейчас?

— Ну разумеется, нет. Однако обслужить сам себя, разжечь плиту и сготовить обед точно мог.

— А тебя всему этому кто-нибудь учил? Ну, хоть раз показали, как это делается?

— Вообще-то я был очень смысленый, — гордо припомнил маг. — Мне достаточно один раз понаблюдать, и я навсегда запоминаю, что и как делается.

— И тебя не выгоняли из кухни и из всех комнат, где кто-то готовит, стирает, гладит или шьет? — изумленно ахнула девушка.

— Нет, конечно, у нас дома все что-то делали.

— А вот у нас никто из семьи ничего не делает! — горестно сообщила Дарочка. — И ходить туда, где что-то делают, на строго запрещено. Еще нельзя самой одеваться, причесываться, купаться... только вышивать да книжки читать и можно, хотя книжки стараются давать пореже, а пяльцы — почаще.

— Мне уже пора начинать тебя жалеть? — насмешливо прищурил свои изумрудные глаза маг.

— Да где уж тебе, — презрительно фыркнула принцесса. — Ты за свои триста лет уже, наверное, забыл про такое чувство, как сострадание. Мне достаточно и простого понимания... или книжки, где написано, как что делать. У нашего главного повара есть, но он мне не дает. Говорит, тогда король из него самого отбивную сделает.

— А вот оскорбить меня намеком на мою старость ты пытаешься очень зря, — с легкой угрозой протянул маг. — Я ведь не Тодгер, обид тебе прощать не намерен!

— Это ты меня первый обидел, — немедленно возразила принцесса. — Обвинил в том, в чем я никак не могу быть виновата. А теперь ругаешь за то, что я защищаю себя! А ведь чувство собственного достоинства и гордости в нас воспитывает наставница, специально приехавшая из Королевского института благородных девиц Лезарии!

— Хорошо, — немного подумав, заявил незнакомец. — Я задам тебе несколько вопросов, и если сочту, что ты заслуживаешь, то перемену свое первоначальное намерение на счет твоей судьбы.

— Задавай, — крепче прижав к себе свою книжку, согласилась принцесса, начиная мечтать, чтобы хозяин замка поскорее вернулся.

Ведь вопросов может оказаться не так уж много, а незваный гость, судя по всему, настроен очень решительно.

— Но сначала мы перейдем в более безопасное место, — словно прочтя ее мысли, усмехнулся зеленоглазый. — Тодгер заканчивает громить свой овраг и как только не обнаружит там твоего тела, вернется домой. И непременно начнет расследование. Он умеет рассуждать очень трезво, пока не отвлекается на всякие глупости.

Маг сделал неуволимое движение рукой и оказался рядом с принцессой. А в следующий момент решительно сдернул ее со стула, крепко прижал к себе, и светлая, ухоженная кухня Тодгера исчезла вместе с недорезанным сыром и недорубленным рябчиком.

— Ах! — само сорвалось с губ Дарочки, но она тут же крепче стиснула ротик.

Давно поняла, читая книжки, как надобно вести себя девушкам, когда их умыкают бандиты или такие вот грозные незнакомцы. Если эти девушки не хотят, разумеется, немедленно получить пощечину, оказаться в подвале или еще где похуже.

Да и место, куда они попали, вовсе не произвело на Дарочку гнетущего впечатления.

Хотя в первый момент показались слишком суровыми черные с золотой прожилкой мраморные стены и полы, черный камень очага и металл котлов. Однако, оглядевшись, принцесса больше не замечала нарочитую черноту этого помещения, ее натренированный глаз успел рассмотреть и блюдо с пирогами, и витую корзинку того же черного металла, полную пирожных, и даже шкафы с разнообразной посудой.

И не важно, что она тоже черная, пить чай можно из любых чашек.

— А чего это ты не визжишь? — поинтересовался маг, оставив Дарочку посреди кухни и усаживаясь во внушительного размера кресло с высокой спинкой.

— Не считаю нужным, — кротко ответила Дарочка и загнула один пальчик.

— Почему?

— Чтобы тебя не сердить, — так же смиренно выдала один из мелькнувших в ее хорошенькой головке вариантов ответа принцесса и зажала второй пальчик.

— Благодарно, — нехотя похвалил похититель. — А что ты там считаешь?

— Вопросы. — С постного личика Дарочки можно было писать ангела смирения.

— Заче... — начал маг и захлопнул рот. — Ясно. Как я понимаю, вести себя прилично и рассуждать здраво ты все же умеешь.

— Вам виднее. — Скромность принцессы расцветала, как поле одуванчиков на рассвете.

— И это верное замечание. Тогда ответ на вопрос сложнее — почему ты издеваешься над женихом?

— У меня нет жениха. — Огромные синие глаза смотрели с искренней печалью.

— А Тодгер?

— Маг Тодгер меня купил, и теперь он мой рабовладелец, — горько вздохнула девушка.

— Но ведь прежде, чем обменять тебя на корону, он почти два года за тобой ухаживал? — Маг явно начинал злиться, и Дарочка это поняла.

Но солгать в таком важном для каждой девушки вопросе не могла.

— Нет, не ухаживал.

— Как это «не ухаживал»? Да он вился возле тебя по полдня, вместо того чтоб заниматься делами!

— Пчелы тоже возле цветов выются, — чуть покраснев, проворчала принцесса. — По-вашему, это можно назвать ухаживанием?

— А, — догадался маг и только тут заметил, что принцесса так и стоит посреди кухни. — Садись на стул и рассказывай, как, по-твоему, должен был ухаживать за тобой Тодгер.

— Как за всеми принцессами ухаживают, — безнадежно вздохнула Дарочка. — Вот весной за Генриеттой ухаживал принц из Хадгира. Весь дворец сидел у окон с платочками! Он приезжал к ней под балкон на белом коне и пел серенады, по пять раз в день присылал ей букеты, читал стихи, катал на лодочке по большому королевскому фонтану и лично держал над Генриеттой зонтик!

— Понятно, — строго прервал принцессу маг, ясно ведь — про замечательное ухаживание принца Геррика, слывающего отъявленным ловеласом, девушка может рассказать еще очень долго. — А ты не подумала, что все люди разные? И далеко не каждый способен полночи горланить под балконом, развлекая весь дворец!

— Подумала, — сообщила принцесса, глядя на похитителя ангельски ясными глазами. — И вполне обошлась бы без серенад. И заодно без принародного лапания моих коленок.